

Вид во дворе был ужасающим. Трудно было представить, насколько жестокими могут быть люди, когда теряют рассудок. Кровь текла рекой, а трупы были разорваны на части — руки отдельно, головы отдельно, всё было разбросано повсюду.

Среди трупов было много животных, но куры и утки, только что одичавшие, не представляли большой угрозы. Взрослый человек мог просто свернуть им шею. В углу лежала свинья, которая, видимо, вырвалась из загона после того, как попала под солнце. К счастью, в их деревне была только одна семья, державшая собаку, а кошек вообще не было.

Гао Чан сделал всего два шага из дома, как на него обрушился кулак:

— Ты, чёртов ублюдок! Почему не открыл дверь? Ты что, не слышал, как Цзунвэнь звал тебя?

— Если бы я открыл дверь, разве я бы сейчас стоял здесь живой? — Гао Чан, практиковавший культивацию, с лёгкостью уклонился от удара.

— Бесстыдник! Если все в деревне умрут, ты думаешь, ты один выживешь? Почему ты, ублюдок, не сдох раньше? Какой прок от таких, как ты? Жизнь моего Цзунвэня стоит в сто раз больше твоей!

Мужчина, потерявший сына, выплёскивал свою ярость. Он снова и снова бросался на Гао Чана, но его ярость была скорее вызвана тем, что у Гао Чана не было родни в деревне, и он мог нападать на него без последствий.

— Если его жизнь так ценна, почему ты сам не пошёл его спасать? Или твоя жизнь ещё ценнее? — Гао Чан безжалостно ранил его словами. Когда жизнь его сына висела на волоске, этот мужчина не нашёл в себе смелости действовать, а теперь, после его смерти, вымещал злость на невиновном.

— Если бы меня тогда не остановили, разве я бы рассчитывал на тебя? Ты, трус, оставил его умирать! — Мужчина кричал, обвиняя Гао Чана.

— Похоже, ты и сам не пострадал? — Гао Чан усмехнулся. Если бы он действительно пытался спасти сына, разве у него бы хватило сил сейчас драться?

— Ты, чёртов ублюдок! Сегодня я тебя убью, или я не Чжэн! — Мужчина, охваченный яростью, схватил мотыгу и направился к Гао Чану, явно намереваясь убить. В этом дворе, залитом кровью, убийство больше не казалось таким ужасным.

Гао Чан не стал спорить. Он ударил ногой в живот, вырвал мотыгу и бросил её во дворе.

— Вы что, совсем с ума сошли? Мало вам смертей? — Глава деревни Чжэн Гобан неожиданно громко закричал.

— Глава, скажи правду. Цзунвэнь стучал в дверь Гао Чана, а этот ублюдок не открыл! Мы ведь одна деревня. Когда его бабушка умерла, я тоже помогал, а Цзунвэнь даже складывал серебряные деньги! А он сегодня оставил его умирать!

Мужчина ростом под метр восемьдесят сидел на земле, плача и вытирая слёзы. Сегодняшние потери вызвали сочувствие у всех.

— Гобан, Гао Чан действительно жесток. Я тоже видел, как Цзунвэнь стучал в его дверь, долго стучал, а он не открыл.

— Этот ублюдок — ненасытный волк, глава. Мы не можем позволить ему оставаться в деревне. Мир скоро рухнет, и если он однажды ударит нас в спину, будет слишком поздно! — Услышав поддержку, Чжэн Гочао стал ещё настойчивее.

— Этот дом передавался в моей семье из поколения в поколение. Выгнать меня? Смешно! Попробуйте, если сможете! — Гао Чану хотелось разбить ему рот. Бездельник, только языком чесать умеет, а сердце у него чёрное.

— Гочао, в этом нельзя винить Гао Чана. Тогда все были в шоке, и мы не могли заставить его открыть дверь. — Глава деревни всё ещё сохранял рассудок, но он всегда старался быть миротворцем. — Но с другой стороны, Гао Чан, у двери стоял твой сосед. Как ты мог быть таким чёрствым?

Несмотря на то что Гао Чан был прав, глава деревни всё равно упрекнул его, чтобы успокоить Чжэн Гочао. Ведь мёртвые важнее живых, и с некоторых пор те, кто потерял родных, стали вести себя так, будто все им чем-то обязаны. В мирное время люди ещё могли проявлять сочувствие, но теперь всё изменилось. Если ты потерял родителей или детей, никто не будет тебя жалеть. Либо продолжай жить, либо умри вместе с ними.

Семья Гао была малочисленной, в отличие от других семей в деревне, где все были связаны родственными узами. Раньше это не было так заметно, ведь Гао Чан был мужчиной и редко участвовал в деревенских сплетнях. Но сейчас разница стала очевидной.

— Двусторонний подход? Впредь я буду закрывать дверь, и никто не заставит меня её открыть. Кто не верит, может попробовать! — Думаете, он мягкий? Пусть попробуют его тронуть.

— Глава, посмотрите, это же зверь! Сегодня никто не мешайте мне, я убью его мотыгой, и деревня станет чище. — Чжэн Гочао, только что потерявший сына, снова направился к Гао Чану, на этот раз ещё более решительно.

На этот раз Гао Чан не успел среагировать — Да Хуан бросился вперёд. За последние два года он вырос и окреп, его вес почти сравнялся с весом Гао Чана. Его прыжок был стремительным и мощным. Мужчина упал на окровавленную землю, а Да Хуан прижал его передними лапами к плечам, острые когти в миллиметрах от его шеи.

— Гао Чан, ты смеешь натравливать собаку! — Голос мужчины дрожал.

Да Хуан оскалил зубы, издавая низкое рычание. Он больше походил на дикого зверя, чем на домашнюю собаку. Мужчина, который только что кричал и угрожал, сразу сник, закрыв глаза и ожидая смерти.

Да Хуан наклонился, схватил рукоять мотыги и, резко дёрнув головой, разломил её пополам. Обе части с грохотом упали на землю.

Те, кто ещё хотел устроить беспорядок, сразу замолчали. Мёртвые уже мертвы, а живые хотели остаться в живых. Никто не хотел проверять на себе зубы Да Хуана.

Гао Чан слегка прищурился. Он не ожидал, что эта глупая собака окажется такой сильной. Но сейчас ему нужно было восстановить свою репутацию, иначе слухи распространятся, и он станет злодеем.

— Ты первым начал нападать. Даже если бы Да Хуан убил тебя, это была бы самооборона. Я не боюсь полиции, давай разберёмся, кто больше виноват: ты, пытавшийся убить, или я, не открывший дверь?

На мгновение во дворе воцарилась тишина. Даже глава деревни, всегда готовый быть миротворцем, не нашёл что сказать. Весь саньхэюань замер.

— Гао Чан, не злись. Твой дядя Гочао только что потерял сына, он в горе. Не держи на него зла. — Это была тётушка Ашань, соседка Гао Чана. Она всегда любила сплетни, но сердце у неё было доброе. Когда умерла Бабушка Гао, она часто приносила еду Гао Чану. В последние годы, когда он вырос, она стала реже заходить, чтобы избежать пересудов.

Гао Чан слегка фыркнул, но это было знаком уважения к тётушке Ашань. Он помнил доброту людей. Жители деревни не были плохими, даже этот обезумевший Чжэн Гочао недавно разрешил ему собирать помидоры на своём участке.

<http://bllate.org/book/15437/1369029>